

Простой реки переговор,
Её пробор в долине кроткой.
На полосе береговой
Спит перевернутая лодка.
Как будто бабочку ладонь
Накрыла и остановилась,
Она побудет над тобой,
Укрыв от вылета в огонь,
Она побудет над тобой,
Как чья-то милость.
Но всё равно найдётся щель
Меж старых досок, между ними,
Но все равно найдётся цель,
Которая тебя поднимет
И лодку тихую швырнёт,
И воздух взмахами прошьёт
И полетит над этой речкой
В бессмысленный и жаркий путь,
Где лишь одно меня калечит,
Что мне тебя обратно нечем
Вернуть...
О, дай мне, Господи, забыть,
На берегу спалить останки.
Я не могу всё время пить
Из этой речки, этой ранки.
Покинуть память с ночевой
И не дожить бы до рассвета...

Пусть я не помню ничего.
Но лодка эта, лодка эта...

* * *

Спи, потому что
я не прихожу наяву.
Нашатырем и будильником
не отвлекайся.
В сумерках лошадь бредет
сквозь большую траву,
Белая, как лекарство.
Спи безмятежно, тогда мы ее не спугнем.
Из темноты залети – мотыльковая участь.
Видишь ли, белая лошадь не видима днем.
Это иная сущность.
Это сбежавшая от разорений и войн
Выжившая и простившая многократно
Чья-то душа беспризорная –
выкралась вон
И не нашлась обратно.
Вот и является в сон
по траве большой
Девочке, черной, точно воронья стая.
Вот она повод берёт – и второй душой,
белую,
прорастает...

* * *

Покуда я возле обморока,
Побудь со мной, говори.
Сваляй мне постель из облака
С жаворонком внутри.
Я маленькая, я сильная,
Я вброд не боюсь идти.
Но голосом ты носи меня.
Но шепотом мне свети.

Я плачу смешно и жалобно
И все не обрушусь в сон.
Но жаворонок, но жаворонок
Перепевает стон.

* * *

Кофе еще дымится.
Письма еще горчат.
Только пожаром лица
Тронуты сгоряча.

Сдержат ли ветер дольний
Из мировых щелей
Скомканные ладони,
Вздрагивающие...

Но в беспорядке этом,
Гибельном, мировом,
Свет остается светом
Даже в зрачках ворон.

И в забвенье глубоком,
Пусть ничего уже,
Бог остается Богом
Даже в пустой душе.

Не принося ответов,
Не приводя причин,
Гулко уходит лето,
Кофе горчит.

* * *

...А когда все утихло – с экранов, трибун, площадей ли,
А когда все смирилось в надменных церквах и дворцах,
В нашу лодку вода потекла через зоркие щели,
А раз так – то простимся в сердцах.

Посмотри, как по миру бежит первобытное тленье,
Как табун, разбивающий сон за один перегон.
Нас держало в живых непонятное сопротивление,
А теперь больше нет берегов.
А теперь – невесомость, в которой прохладно и сыро,
Нагоняет волну, отбивая невидимый счет..
Но теперь, прежде чем затевать сотворение мира,
Потанцуем еще?..

* * *

Ну какая разница, где ты живешь?
Ну, живи всегда у меня внутри.
И плещись во мне, как ноябрьский дождь,
И кружись там на раз-два-три.
Будут гости к нам. Будут свечи жечь.
Будет музыка по ладоням течь!
Будет сказка елочная пестра,
Точно искорки от костра!
А когда я устану, то прислонюсь
К детской песне, узнанной наизусть.
Этот шум в висках – будто шторм в окне.
Это дождь твой идёт во мне...

* * *

Ты оглянулся, переходя дорогу.
Раннее лето вверх тополя несёт,
Кронами мне помахивая немного.
А через меня сердце твое растёт.
Не понимая физику расставанья,
Чувствуя, как натягиваешь струну,
Ты для чего-то вытянул расстоянье
Через две жизни и через одну страну.

Ты уже умер, я уже не проснулась,
Вдруг этот город, отодвигая сон,
Словно старик, сбросил свою сутулость
И просиял нам молодым лицом.

И от испуга вдохнув и любовь, и память,
Я замерла – дальше-то как дышать?
А вдруг тополя будут на землю падать
Всё потому, что некому их держать.

* * *

Удержи на ветру меня, словно воздушного змея –
Над бескрайней водой разрезаю собой облака.
Научи меня радости. Боль я и так разумею,
Певчим горлом своим процедив от глотка до глотка...

Как излом абрикосовый, солнце закатное тает
В непослушных ладонях, промытых водой золотой.
Если ты утомилась, моя лебединая стая,
Подремли до рассвета в строке за моей запятой.

А когда разбужу – полетим до большого простора,
Где ни ветер, ни пуля не скомкают птичий полет.
Мы могли бы отчаяться, это же проще простого!
Но неужто за этим душа через небо растет?

Так неужто за этим твое промелькнуло виденье
Через целую жизнь, точно луч в осторожной крови?
Мы успеем еще умереть, это ясное дело!
Но останься сейчас, и гори, и живи, и живи...